

Глава 18. Болезнь

— Мне нужно отдохнуть, — пробормотал Цзян Чжоу, едва переставляя ноги по пути на второй этаж.

Цзян Си уже собирался броситься следом, но Цзян Куэй, отставив в сторону пачку чипсов, опередила его:

— А мне надо позвонить маме.

— Хочешь спросить, когда тётя Линь вернётся? — уточнил Цзян Си.

— Нет-нет, — Сяо Куэй затрясла головой. — Наоборот, скажу ей, чтобы пока не возвращалась.

Цзян Си замер в недоумении.

— Мне тоже пора, — продолжала девочка, уже натягивая куртку. — Есть одно дельце... Брат, ты ведь знаешь, где лежит аптечка?

Цзян Си кивнул:

— Знаю.

— Вот и славно, тогда оставляю его на тебя! — Она шутливо поклонилась ему, юркнула в кроссовки и была такова.

Достав аптечку, Цзян Си поднялся в комнату Цзян Чжоу. Молодой господин уже успел с головой зарыться в одеяло, превратившись в бесформенный кокон.

Запас лекарств в доме оказался внушительным: нашлось даже несколько термометров. Цзян Си выбрал электронный. За те дни, что он провел в больнице, ухаживая за дедушкой, он успел набраться опыта и вполне уверенно чувствовал себя в роли сиделки.

Но нынешний пациент заставлял его сердце сжиматься от тревоги, при этом совершенно не желая сотрудничать. Попытка стянуть одеяло не увенчалась успехом.

— Брат, ну же! Дай мне измерить температуру! — Цзян Си изо всех сил потянул за край, но тот не поддавался ни на миллиметр.

— Не приставай... — донеслось глухое ворчание. — Спать хочу, уйди.

— Только проверю, есть ли жар, и сразу оставлю тебя в покое, — пообещал Цзян Си.

Одеяло осталось неподвижным.

Цзян Си вздохнул. Спустившись на кухню, он вскипятил чайник и вернулся в спальню с горячей водой и чашкой.

— Брат, — произнёс он подчеркнуто спокойным тоном, стоя у кровати. — Либо ты измеряешь температуру, либо я выливаю на тебя воду. Постель промокнет, и спать будет не на чем.

На мгновение воцарилась тишина. Кокон зашевелился, край одеяла медленно сполз вниз, явив миру взлохмаченную макушку.

— А теперь открой рот. — Цзян Си вставил градусник и засек время.

Цзян Чжоу одарил его полным скорби взглядом. Цзян Си невольно улыбнулся:

— Я пошутил, не стал бы я лить воду.

Цзян Чжоу моргнул и уже собрался отвернуться, но Цзян Си мягко, но крепко обхватил его голову ладонями:

— Не вертись, а то результат будет неточным.

Тридцать восемь и пять.

Цзян Си не на шутку разволновался. Он быстро отыскал жаропонижающее и налил в стакан тёплой воды.

— Сначала выпей лекарство.

— Не буду, — Цзян Чжоу снова попытался скрыться под одеялом.

— Надо! — Откуда только силы взялись: Цзян Си решительно откинул одеяло в сторону. — Сначала таблетки, а потом спи сколько влезет.

Глядя на сосредоточенное лицо мальчика, Цзян Чжоу лишь обреченно вздохнул и принял лекарство. Цзян Си тут же поднес стакан:

— Пей побольше, это поможет.

Спирта в аптечке оставалось совсем немного. Цзян Си решил сбегать в аптеку, но стоило ему собраться, как зазвонил телефон на тумбочке. Опасаясь, что звук разбудит больного, он пулей выскочил в коридор и нажал на кнопку приема.

— Сяо Куэй сказала, ты простудился. Это правда? Как ты себя чувствуешь? — раздался в трубке обеспокоенный голос Линь Энь.

— Тётя Линь, это Сиси, — ответил он, направляясь к выходу. — Брат выпил таблетки и только что уснул. Температура высоковата...

Линь Энь дала еще несколько наставлений, предупредив, что задержится, и в конце с явным смущением добавила, что ей жаль нагружать его такими хлопотами.

Вернувшись с лекарствами, Цзян Си поставил вариться кашу. Прошло около получаса. Он снова измерил температуру — жар не спадал.

Цзян Чжоу забылся беспокойным сном. На лбу выступил пот, одежда насквозь промокла. Цзян Си осторожно обтер его прохладным полотенцем и достал из шкафа чистую пижаму.

— Брат, брат? — Он легонько подтолкнул его.

Спустя минуту Цзян Чжоу медленно приоткрыл затуманенные глаза. Болезнь сделала его взгляд беззащитным, и от этого зрелища у Цзян Си заныло в груди. Он присел на край кровати.

— Давай переоденемся, в этой одежде нельзя оставаться.

— Не хочу... — Цзян Чжоу попытался отвернуться к стене.

— Нет, это необходимо, — настаивал Цзян Си, но тот больше не реагировал.

Цзян Си стиснул зубы. Отбросив сомнения, он вскарабкался на кровать и, оседлав колени Цзян Чжоу, заявил:

— Тогда я сам тебя раздену.

— Ты... ты что творишь?! — Цзян Чжоу округлил глаза, но даже его возмущенный вскрик прозвучал слабо и безвольно.

— Снимаю с тебя рубашку. — С самым невозмутимым видом Цзян Си принялся расстегивать пуговицы. Когда он добрался до второй, Цзян Чжоу перехватил его запястье и, чеканя слова, выдохнул:

— Цзян Си. Слезай. С меня.

— Слезу, как только переоденешься, — отрезал мальчик. Ему и раньше доводилось встречать строптивых пациентов, и он знал: в такие моменты полумеры не работают.

Когда он потянулся к третьей пуговице, Цзян Чжоу сдался.

— Хорошо, я сам. Слезь уже.

— Иду-иду, — Цзян Си мгновенно преобразился, вновь став паинькой. Подбирая брошенную на пол мокрую одежду, он довольно улыбался.

Сменив пижаму, Цзян Чжоу почувствовал холод на локтях. Он сердито уставился на Сиси:

— А это еще зачем?

— Спиртовые обтирания, чтобы сбить жар, — пояснил тот.

У Цзян Чжоу не осталось сил на сопротивление. Видимо, начало действовать лекарство: тело стало ватным, в голове всё перепуталось, хотелось только одного — провалиться в сон. Сквозь полудрему он чувствовал прикосновения прохлады к рукам, груди, лбу и даже ступням.

Закончив обтирания, Цзян Си забросил вещи в стирку, убрал аптечку и проверил кашу. Когда все дела были сделаны, он присел у кровати, наблюдая за спящим братом.

Наверное, это из-за утренней игры в снежки... Интересно, когда он почувствовал себя плохо? У Ли Шу дома это было совершенно незаметно. Эх, заболеть в собственный день рождения — бедняга.

Цзян Си снова измерил температуру. 38,2. Наконец-то поползла вниз.

Сон Цзян Чжоу на этот раз был крепким. И хотя ему грезилось, будто крохотный Цзян Си прыгает вокруг него и что-то кричит, это выглядело скорее забавно, чем пугающе.

Открыв глаза, он увидел Сиси. Тот сидел рядом и, сосредоточенно нахмурившись, орудовал спицами. Он... вязал?

Эта картина была куда комичнее любого сна. Цзян Си вязал медленно, подолгу замирая над каждой петлей — то ли припоминая движения, то ли исправляя ошибку. С такой скоростью свитер будет готов разве что к выпускному. Цзян Чжоу не выдержал и тихо хмыкнул.

— Брат, ты проснулся! — Цзян Си подскочил, откладывая вязание. Проверка температуры показала 37,4.

Жар отступил. Мальчик с облегчением выдохнул.

— Попей воды. Ты голоден? Я сварил кашу, сейчас принесу.

Цзян Чжоу покорно кивнул. «Надо же, какой послушный», — подумал Цзян Си. Вспомнив разговор с Цзян Куэй, он невольно усмехнулся. Сестра пугала его тем, что «настоящий кошмар начнется, когда спадет жар», но пока всё было вполне мирно.

Он принес тарелку, установил прикроватный столик и накинул на плечи больного куртку. Цзян Чжоу съел пару ложек и вдруг отложил прибор.

— Цзян Си, ты был со мной очень груб.

—... Что?

— Ты кричал на меня из-за градусника, командовал из-за таблеток, а потом и вовсе залез сверху, чтобы раздеть... Я болен, а ты так со мной обращаешься. Мне даже кошмары снились.

Цзян Си опешил:

—... Прости.

— Ладно, прощаю, но над манерами тебе стоит поработать. — Цзян Чжоу задумчиво помешивал кашу. — Совсем безвкусно. Можно добавить сахару?

— Конечно. — Цзян Си насыпал ложку песка.

— Теперь слишком сладко, — капризно заявил молодой господин после очередной пробы. — Обычно я люблю сладкое, но когда болею — ненавижу. Хочу соленую кашу, с какими-нибудь листиками зелени. Соленькую.

— Хорошо, я переварю, но придется подождать. Попей пока воды.

— Не хочу воду, хочу сок, — прозвучал тихий каприз.

Цзян Си замялся:

— Можно и сок, но совсем чуть-чуть.

Когда новая порция соленой каши была готова, стрелки часов перевалили за семь вечера. Дома по-прежнему никого не было.

— А где все? — спросил Цзян Чжоу, лениво ковыряя ложкой. — Наверное, узнали, что я заболел, и решили спрятаться? Вот вредины.

— Вовсе нет, — возразил Цзян Си. — У всех дела, к тому же я сам сказал им не торопиться. Мне под силу позаботиться о тебе одному.

— Почему это? — вопрос прозвучал по-детски наивно.

Цзян Си негромко рассмеялся:

— Потому что мне нравится за тобой ухаживать.

Больной Цзян Чжоу разительно отличался от обычного. В повседневной жизни он был крутым, дерзким парнем, к которому многие боялись подойти. Но сейчас он превратился в капризного ребенка: то не так, это не этак, уделяй мне внимание, делай, как я хочу.

Но для Цзян Си за этой маской школьного задиры всегда скрывалась мягкость, и он с готовностью принимал этот нелогичный эгоизм. «Мне плохо, поэтому всё должно вращаться вокруг меня» — простая и понятная логика.

— Терпеть не могу кашу, — внезапно выдал Цзян Чжоу. — Почему каждый раз, когда я болею, меня пичкают кашей? Меня от неё уже тошнит.

Цзян Си уловил суть:

— Ты что, часто болеешь? — На вид он всегда казался воплощением здоровья.

То ли вопрос пришелся не к месту, то ли просто сменилось настроение, но Цзян Чжоу лишь откинулся на подушки и скрестил руки на груди, всем видом показывая, что разговор окончен. «Понятно, — отметил про себя Сиси. — В его состоянии логика бессильна, расспросы только вредят».

— Ну и чего бы тебе хотелось?

Помолчав, Цзян Чжоу едва слышно произнес:

— Лепёшку.

— А?

— Не ту, что мы ели в посёлке Чжу. В городе Наньхэ есть одна лавка, её держит пожилая пара. У них невероятные лепёшки-шаобин — корочка хрустящая, рассыпчатая, а внутри свинина с квашеной капустой... Такой аромат! Я раньше каждый день туда ездил.

Цзян Си мудро решил не уточнять, что это больше похоже на пирожки.

— Она еще открыта? Я могу съездить.

— Бесплезно, — в голосе Цзян Чжоу прорвалась глубокая печаль. — Лавка закрылась. Хозяева уехали в деревню, нянчить внуков.

— Жаль, — посочувствовал Цзян Си. — Может, что-нибудь другое?

— Есть вещи, которые невозможно заменить. — Цзян Чжоу уныло сполз под одеяло. — Да я всё равно больше ничего не хочу.

— Брат, не расстраивайся. Наверняка есть места не хуже. Отдыхай сегодня, а завтра я обязательно что-нибудь найду, — уверенно пообещал Сиси.

— Мне не нужно «не хуже», я хотел ту самую... — последовал тихий вздох.

Меланхолия окончательно захлестнула больного. Цзян Си подождал, пока тот затихнет, и, решив, что брат уснул, потянулся к лампе.

— Не выключай свет! — Цзян Чжоу резко сел и вцепился в руку Сиси.

Лампа снова вспыхнула. Цзян Си увидел в его глазах тень паники, которая тут же сменилась обидой:

— Кто разрешил тебе гасить свет?

— Я... я думал, ты спишь.

— Я никогда не сплю в темноте. Ты что, не замечал?

В его тоне было столько неподдельной горечи, что Цзян Си начал судорожно вспоминать... И

правда, кажется, так оно и было.

— Брат, ты... ты боишься темноты? — спросил он с легким недоверием.

Это было странно. Цзян Чжоу — гроза Школы Жэндэ, кошмар учителей и защитник слабых, его личный пример мужества — сегодня оказался не только капризным и сентиментальным, но и... трусишкой?

Цзян Си вспомнил их разговор в посёлке Чжу. На вопрос о вещах, которые он ненавидит, Цзян Чжоу ответил кратко: «Мрак». Что ж, у каждого свои слабости.

Но озвучивать это вслух явно не стоило. Взгляд Цзян Чжоу выражал нечто вроде: «Тебе обязательно было выставить меня идиотом?». Цзян Си вовремя спохватился и понимающе закивал:

— Я понял. Дело не в страхе. У тебя просто аллергия на темноту.

Напряжение сменилось интересом. Он жестом предложил продолжать.

— Это как с манго или кошачьей шерстью, — развивал мысль Цзян Си. — Организм просто не принимает отсутствие света. Тут ничего не поделаешь.

Удовлетворенный таким объяснением, Цзян Чжоу откинулся на стену и слегка улыбнулся. Это была очень красивая улыбка.

«Отлично сработано, Сиси», — похвалил он себя. Умение изящно и вежливо льстить брату перешло на новый уровень.

— Спи, брат. Доброй ночи.

— Какая еще «добрая ночь»? — лениво протянул больной. — С чего ты взял, что я собираюсь спать?

Цзян Си растерялся:

— А что тогда?

— Что ты обычно делаешь перед сном?

— Делаю уроки, читаю... Раньше зубрил математику, а сейчас перешел на художественную литературу. Романы читаю.

Ли Чжимин как-то сказал ему, что для хороших сочинений нужно развивать воображение и много читать. Причем добавил весьма прямолинейно: «Ты слишком умен, Сиси, и из-за этого тебе не хватает фантазии». Цзян Си критику принял — ну не хватает и ладно, должен же быть в человеке хоть какой-то изъян?

Он был уверен, что такие скучные занятия брату не интересны. Но он снова забыл: у Цзян Чжоу сейчас период «всё наоборот».

— Что именно ты читаешь? — продолжал допрос больной.

— Тебе правда интересно?

— Почитай мне, — попросил Цзян Чжоу.

Цзян Си сходил в свою комнату и принес книгу. На обложке значилось длинное название: «Вторая жизнь Уве».

Цзян Чжоу скептически выгнул бровь:

— В таком возрасте стоит читать что-то более жизнеутверждающее, нет?

— Она очень даже жизнеутверждающая! — Цзян Си принялся горячо рекламировать книгу, словно заправский продавец. — Там герой постоянно ворчит, что хочет умереть, но на самом деле книга о том, как нужно ценить жизнь. Она очень трогательная.

— Вот как? — Цзян Чжоу усмехнулся. — Тогда почему она не называется «Мужчина по имени Уве решает жить долго и счастливо»?

— Ну, так было бы не так интригующе. — Цзян Си протянул ему томик. — Хочешь сам взглянуть?

— Я же сказал: я хочу слушать. — Цзян Чжоу закрыл глаза. — Моим глазам нужен отдых.

«Понятно, — вздохнул про себя Сиси. — Хочет, чтобы я почитал ему сказку на ночь».

Он устроился поудобнее и начал негромко:

— «Уве пятьдесят девять лет. Он ездит на „саабе“. Всех, кто ему не нравится, он одаривает таким взглядом, будто перед ним вор...»

Голос Сиси звучал мягко и умиротворяюще, под стать его внешности. Цзян Чжоу слушал с закрытыми глазами, чувствуя себя так, словно его окутывают сахарной ватой.

Сегодня он увидел другого Цзян Си. Не того, что строго отчитывал его, а невероятно терпеливого и заботливого. Словно тот говорил: «Ты мой пациент, и если хочешь выздороветь — слушайся». Но стоило температуре упасть, как строгость сменилась готовностью исполнить любой каприз.

В голове Цзян Чжоу промелькнула мысль: «Наверное, он станет врачом. Настоящим ангелом в белом халате — ответственным и чутким».

«Ох, доктор Цзян...»

Ответственность — это хорошо. Но будет ли он проявлять такое же безграничное терпение к другим?

«Надеюсь, нет». Цзян Чжоу приоткрыл один глаз: мальчик сидел, склонившись над книгой, и читал с полной самоотдачей. «Пусть терпит только мои выходки, а с остальными ему не помешает быть пожестче».

Надо будет научить его твердо говорить «нет».

Первая глава еще не подошла к концу, когда послышалось тихое сопение. Голова Цзян Чжоу сползла на подушку — он уснул.

«Фух, ну и длинный выдался денёк», — подумал Цзян Си. Он закрыл книгу, но уходить не спешил, подперев голову рукой.

«Пожалуйста, не более больше. Вдруг меня не будет рядом — кто ж тебя такого вытерпит?»

Хотя... Он легонько провел пальцем по его переносице. Вряд ли он останется один. Как ни крути, а брат у него — красавчик. И это многое упрощает.

Выздоровевший Цзян Чжоу проснулся полным сил. Свесившись через перила второго этажа, он зычно прокричал на весь дом:

— Good Morning everybody!

— Какое еще „монинг“? — отозвалась из гостиной Цзян Куэй. — Брат Си на кухне всё утро

крутится.

— Серьезно? И что он там затеял? — Цзян Чжоу кубарем скатился вниз. Линь Энь подошла к сыну и потрогала лоб:

— Кажется, порядок. Полностью поправился.

— С таким уходом грех не поправиться, — хохотнул тот и заглянул на кухню.

Там Цзян Си в ярко-оранжевом фартуке возился у плиты. Когда он обернулся, на его щеке белел след от муки.

— О чем это ты там хвастаешься, Сиси? — Цзян Чжоу принюхался и подошел ближе.

— О твоих лепёшках. То есть, — поправился мальчик, — о шабинах со свиной и кислой капустой. Ты проспал всё на свете, это уже вторая порция.

Цзян Чжоу замер.

— Это точно! — вставила Сяо Куэй, похлопывая себя по животу. — Первую мы с мамой уже уговорили. И папе в офис завернули несколько штук. Это просто нереально, космически вкусно!

Цзян Си смущенно улыбнулся:

— Я попробовал повторить тот рецепт. Куэй, может, и преувеличивает, но ты всё-таки попробуй, брат.

Но Цзян Чжоу не шевелился. Он стоял, опершись на столешницу, и не сводил взгляда с дымящихся румяных лепёшек.

— Вкус наверняка другой, — поспешно добавил Сиси, вспомнив слова брата о том, что некоторые вещи незаменимы. — Я и не пытался сделать точную копию. Просто... новая попытка. Попробуй же.

Цзян Чжоу и не нужно было пробовать. На самом деле он не так уж тосковал по тем лепёшкам — просто в болезни на него нахлынуло желание покапризничать.

Но впервые в его жизни кто-то воспринял эти капризы всерьез.

— Цзян Си, — он поднял на него глаза. — Тебе правда никогда не бывает со мной скучно?

Или... я тебя не раздражаю?

— А?

Цзян Чжоу коснулся теплой корочки лепёшки и тихо добавил:

— Раз сейчас не раздражаю, значит, и потом не смей. Никогда. Что бы ни случилось — не смей на меня злиться.

<http://bllate.org/book/17532/1703830>